

Дмитрий Шашков

Достойная смерть

18+

Дмитрий Андреевич Шашков

Достойная смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66243136

SelfPub; 2021

Аннотация

Иногда можно пережить свою смерть, но не выжить психологически. Всякая ли смерть одинакова, или нужно принимать достойную?

Дмитрий Шашков

Достойная смерть

– Саня, Миша, покинуть машину! – успел крикнуть командир, выпрыгивая из башни, словно выброшенный рвущимся к небу пламенем. Комбинезон на нём горел, он скинул его, распоров ножом; берцы, опять ножом шнурки, – прочь; толстое зимнее обмундирование спасло от серьёзных ожогов. Обернулся назад – из танка рвался ввысь многометровый сноп пламени – и понял: Саня с Мишей уже никогда не покинут машину... И тут снова свист, за секунду-другую переходящий в рёв, – мина прямо на него, – а вокруг мерзлое поле и полыхающий танк, который и без того в любой момент может взорваться.

– Господи, только не сейчас, пусть когда-нибудь потом! – успел взмолиться он, подняв глаза на мерцающие в морозном вечернем небе звёзды, – только не сейчас!.. Мина упала в снег у его ног и громко шипела, остывая, – не взорвалась!

Надо было, конечно, залечь, оглядеться, потом короткими перебежками от укрытия к укрытию, но он шёл к своим прямо, не таясь, босиком по полю, сдвинув на макушку мокрый от пота шлемофон и не оглядываясь более на полыхающий танк, который тоже так и не взорвался. Шёл и широко улыбался. Сквозь прозрачный морозный воздух с тёмно-синего далёкого неба ласково подмигивали ему звёзды, становясь

всё ярче, будто это он к ним приближался.

– Стой, кто идёт! – вот и свои, должно быть, пехота, вот и дымок от буржуйки, там у них, значит, блиндаж и о маскировке что-то мало заботятся... – Стой, говорю!

– Да свои, свои, не кипишуй. Пароля не знаю, можешь не спрашивать! Видел факел в поле после артобстрела? Вот я оттуда. Чем ты меня хочешь удивить? Своим калашом?

– Да ладно, понял, – растерялся боец, – притормози, пожалуйста, сейчас доложу командиру...

– Тормозить ты гражданских на блокпосту будешь, а танкисты вообще без тормозов.

Тут, видимо, услышав голоса, из блиндажа вынырнули ещё бойцы, в одном из которых он распознал офицера, – по командирским повадкам и пистолету на поясе – хотя офицерских погон тот не носил, очевидно, чтобы не подсказывать снайперам, в кого стрелять в первую очередь.

– Танкист? Живой? Странно! – рявкнул офицер, – а другие два?

– Двухсотые.

– Понятно... – помолчали, – иди в блиндаж, грейся...

В тесном блиндаже бойцы с любопытством и сочувствием рассматривали обгорелого полуголового оборванца. Вручили старый потёртый бушлат и огромные ватные штаны, бегец и носок лишних не нашлось, только кирзовые сапоги и нарезанные из простыней портянки. Предлагали даже шапку-ушанку, но он предпочёл остаться в своём шлемофоне.

– Не тупи, – сказал кто-то, – по шлемофонам снайпера в первую очередь лупят, наши вон все экипажи бэх в ушанках лазят, шлемофоны в бэхах оставляют!

– Да ты не пугай, мы пуганные, – вяло огрызнулся он, засыпая в углу у буржуйки, где было так тепло и вкусно пахло дымком от сосновых дровишек.

– Просыпайся, танкист, уже часов десять дрыхнешь.

Просыпаться так не хотелось! Опять грязь, вонь, страх и... а, Саня с Мишей!..

– На вот глотни, отличный сэм, тебе сейчас надо.

Да, это то, что ему сейчас надо!

– За твоих, не чокаясь.

– За пацанов, – он выпил залпом едкую жидкость, стараюсь не вдыхать её кислую вонь. Почувствовал, как по всему телу разливается тепло.

– На, запей. Как звать-то тебя?

– Прицел, позывной.

– Хорошо стреляешь?

– Укропы не жаловались, не успевали.

Офицер и остальные бойцы одобрительно загоготали.

– Короче, слушай. За тобой тут «Урал» пришёл из твоей части, так что бывай. Рад знакомству.

– Тоже. Давай ещё сэму, на ход ноги.

– А, понравился? Ещё бы! Сами гоним, вон из той бражки, – показал ему на двадцатипятилитровую бутылку за буржуйкой, горлышко которой венчал раздувшийся от газов

огромный презерватив, – но эта ещё не готова. Когда гондон ляжет, значит, процесс брожения окончен, можно перегонять. Ну, некоторые её так пьют, говорят, вкуснее, французский напиток. Но я так не могу, дрищу от неё дальше, чем вижу, – рассказывал офицер, разливая в подставленные кружки самогон, – ишь, сбежались все бухануть! Давайте опять не чокаясь, у нас тут тоже регулярно двухсотые, то мина, то снайпер, а позавчера двое пацанчиков молодых на своей же растяжке... Один не сразу... Давай! Земля пухом, Царствие Небесное...

– Прицел! Прицел тут?

– Да тут, тут, идёт уже, – он встал и молча направился к выходу. После выхода из тёмной вонючей земляной каморки свет дня казался ослепительным, а морозный воздух пронзительно свежим.

– Ах вот ты, Прицел!

– Здорово, Петрович! – они крепко обнялись с водителем «Урала».

– Прицел, хороший мой, живой-здоровый, в рубашке родился! А вот пацаны... Сейчас помянем, у меня ноль-пять с машине.

– Конечно, помянем...

Залезли с разных сторон в высокую кабину, Петрович достал бутылку, выпили по очереди из горла водки, закурили. Петрович запустил двигатель, снял с тормоза, «Урал», урча и похрюкивая, плавно покатил по замёрзшей грязи грунто-

вой дороги.

– Что там в части слышно, Петрович?

– Да что слышно? Твои пацаны с роты на позициях стоят, теперь там тихо. Перемирие же опять объявили, что, не слышал?

– Нет, не слышал. Тут вчера ещё такое «перемирие» было!

– Да, вчера да... Донецк и сегодня уже обстреливали – и «грады», и миномёты, и фосфором жгли...

– Прицел, просыпайся, приехали, – Петрович толкал его в бок. Вот и часть. Сегодня здесь было немногочисленно – роты и отдельные взвода раскиданы по позициям вдоль линии соприкосновения, комбата тоже в расположении не было, может, проверял кого-то где-то; за старшего в части был замполит, причём он лично встретил Прицела, пожал ему руку и, не обращая внимания на запах перегара, предложил идти в столовую, а затем отдыхать.

Бледная, подавленная повариха не проронила ни слова – у неё где-то там, «на передке», сын, тоже танкист.

В расположении Прицел нашёл себе компанию: несколько бойцов из разных рот и взводов, заболевших или выздоравливающих после лёгких ранений и контузий. В комнате стоял сильный запах спирта и конопли.

– Прицел! Прицел вернулся! – по очереди обнимался со всеми, – ты же слышал уже, Прицел?

– Что ещё?!

– У нашей пехоты двенадцать двухсотых! Двенадцать,

Прицел, понимаешь?..

Прицел проснулся от тревожного сна, где рвались мины вокруг идущих по замёрзшему полю танков. Громкие хлопki продолжались, но то были не разрывы мин или снарядов, а выстрелы артиллерии в километре, не более, отсюда, где стояла наша батарея гаубиц. За звучным хлопком ясно слышался шелест снаряда, набирающего высоту, чтобы обрушиться оттуда на голову противника. И если там вспыхнет огромным факелом вражеский танк или САУ, уничтожена будет гаубица или миномёт, то сюда снарядов их прилетать будет меньше.

– Работайте, работайте, артиллерия! – довольно пробормотал кто-то, потом он подошёл к Прицелу и окончательно разбудил его, потормошив за плечо, – пошли, дело есть!

– Какое ещё дело, ты о чём?

– Пошли, пошли, не пожалеешь!

Они вышли на морозный воздух, и хлопki стали значительно громче. Над унылым пейзажем опустевших пригородов, заброшенных и полуразрушенных домов без стёкол, над столбами электропередач с гроздьями ссечённых осколками проводов высилось бескрайнее небо с лёгкими, перистыми облачками, раскрашенными в оттенки красного и бардового закатом или восходом – Прицел не знал.

– Слушай, Прицел, что есть, ты когда-то интересовался, да и тебе сейчас надо, снять стресс... Шира есть! Пошли в нашу располагу, там сейчас никого...

Прицел послушно проследовал за товарищем, сел на койку, закатал рукав и пальцами одной руки передал вены выше локтя другой. Товарищ осторожно ввёл иглу во вздувшуюся вену.

– Приотпусти чуток, – в шприце с коричневой жидкостью показалась тонкая струйка алой крови, – во, отпускай! – Прицел разжал пальцы, а товарищ плавно утопил поршень, – прижми пальцем, – вынул иглу с опустевшим шприцом из вены, – согни руку и пальцем пока прижимай...

Прицел чувствовал, как по телу его разливается приятное, сладкое тепло, а кожу головы ласково щекочат мурашки.

– Сигарету! – товарищ вложил ему её в губы и заботливо помог прикурить.

Потом Прицел затушил недокуренную сигарету об пол, вытянулся во весь рост на койке и заснул так сладко и спокойно, как не спал ещё ни разу в жизни.

* * *

Говорят, вспоминают всю жизнь, но Прицел вспоминал только это: как остались в танке Саня с Мишей, как чудом уцелел сам, вышел к своим, как встретили, что потом было в части... Всё вспоминать долго будет, а времени у него теперь совсем мало!

Вспомнил ещё, какая потом пошла жизнь, когда близко «подружился» с выпивкой и наркотиками – однообразная, как бы сонная, но приятная. Прежних интенсивных боевых действий уже не было, всё продлевалось и продлева-

лось относительное перемирие, кого-то с кем-то соглашения, но он уже мало интересовался политикой. Обстрелов теперь действительно стало намного меньше, больших потерь тоже больше не случалось, и жизнь части шла почти как в мирное время, разве что иногда объявляли боевую готовность или даже боевую тревогу, которая, однако, оказывалась всё же учебной, выезжали иногда даже на какие-то позиции, но уже без реальных боевых действий, бывали учения... Прицел воспринимал это отстранённо и равнодушно, хотя и выполнял, как мог, всё, что от него требовалось по службе, – это было для него нетрудно.

Теперь он понимал, что офицеры замечали его всё возрастающие странности и слабости, но на многое закрывали глаза, уважая его за былые заслуги. Комбат только однажды, взглянув на него, грустно пошутил: «Замутнился наш Прицел». Но старых бойцов с боевым опытом оставалось немного, и заменить их было всё равно некем, – на приходящую необстрелянную молодежь трудно было рассчитывать в случае, если вдруг опять полыхнёт настоящая война...

И вот ещё воспоминание совсем недавнее, которое, увы, не получится уже ни забыть, ни даже отодвинуть в прошлое. Как отправили его лечиться в госпиталь с очередной затянувшейся простудой, и как старый врач, уставившись в листок с результатами анализов, поёрзал на стуле, покряхтел, да и выпалил резко:

– А у вас СПИД...

– То есть ВИЧ-инфекцию подхватил?

– Да нет, увы, это уже именно СПИД, а не просто ВИЧ-инфекция...

Прицел теперь хорошо знал, что ему нужно для снятия стресса, тем более, что терять теперь было совсем уже нечего! Ему и в госпиталь привозили всё, что нужно, верные товарищи, а вскоре он и вовсе оттуда сбежал и доживал и болел на квартирах и хатах у разных своих новых и старых знакомых, которых стало в последнее время так много, что он многих уже и не помнил...

И всё же он улучил относительно трезвую минутку, чтобы навестить ребят, и теперь, собрав остатки сил, вспоминая прошедшее, шёл один нетвёрдой походкой по огромному кладбищу, Аллее славы. Вот среди многих других и они, бок о бок едва заметные два холма воинам Александру и Михаилу, над ними кресты и один на двоих скромный памятник, на котором он прочитал эпитафию:

«Есть так много жизней достойных

Но одна лишь достойна смерть...»